

проходимцам, то может и такое воплотиться. Сравнительно недавно в каком-то неистовом приступе местных властей прокатилась волна установки памятников белочехам в Поволжье, на Урале и в Сибири, правда, в том же Култуке на берегу Байкала местные жители тут же оторвали голову этому бронзовому вояке! Чтоб неподвадно было... И, конечно же, у Юрия Пахомова рассказ совсем не об этом, перед нами пронзительное повествование не просто о человечности и душевности, но и о сбережении этих качеств в тяжёлую пору лихолетья.

Юрий Пахомов – капитан первого ранга в отставке, особенности воинской службы даже и в глухомани среди сурового северного быта ему известны досконально, до мельчайших подробностей. Это становится ясным, стоит лишь прочитать рассказ «Ужин на двоих». Как человеку, служившему в армии, многие детали, описанные в нём, памяты и мне.

Вроде бы рядовая поездка капитана медицинской службы Неволина в отдалённую часть, где половина роты слегла от какого-то желудочного расстройства. Мастерски, с первых слов, автор передаёт непростое состояние героя: «Неволин шагал по шпалам, то и дело сбиваясь с ног, и это его раздражало». И далее, как дополнение, идёт немногословное, но ёмкое описание природы: «А мороз жал. Вокруг дыбился чёрный лес, над протоксой, по которой положили узкоколейку, дырой в чёрном небе зияла луна. Казалось, оттуда и тянет ледяной стужей». Чёрное небо, чёрный лес – по всему они-то и должны бы служить источником холода, а свет луны наоборот, пусть и самую малость, но согреть. Ан нет! Всего одно слово: «зияла» вместо «сияла» – и уже лёгкий морозец по коже. И перед нами не только картина зимнего северного пейзажа, но и великолепный зачин рассказа.

Неспешно и обстоятельно – причём, не то что отдельные предложения и слова, но и каждая запятая на своём месте! – разворачивается повествование; ненавязчиво, однако запоминающимися штрихами показан армейский быт со всеми «тяготами и лишениями воинской службы», изнутри описаны условия жизни не только солдат, но и прапорщиков и офицеров, раскрыты их характеры.

Эпидемия кишечной заразы военврач погасил, выхотелся до того, что всё вокруг стало так немилое, что «хотелось дернуть стакан спирта, закусить чем-нибудь острым, а потом медленно, в тепле пить чай из чистого токового стакана. Спирта было хоть залейся, но Неволин придерживался железного правила – на выпыхках не пить. Голова должна быть ясной». И хотя капитан был усталым и голодным, «но солдатский харч не лез в горло – стояли перед глазами варочные котлы с наростами рыжего, похожего на парафин, жира, и дух на кухне был такой тяжёлый, что подкатывала тошнота». За такими невесёлыми размышлениями и застаёт его вошедшая с улицы милновидная женщина с деревянным подносом, накрытым полотенцем.

«– Позвольте, вы кто? – удивлённо спросил он. – Та я жинка Чепурного. Фершала, хай ему грец. Картошка, грибочки собственного засола, капуста с клюквою, сметана – усё своё. Я не то, што мой дурень, чистоту уважаю. У меня в коровнике чище, чем у их в той кухне. Не побрезгуйте, товарищ капитан. А опосля я вам чайку принесу».

Заметили, какая сочная речь у персонажей? У каждого своя, характерная, делающая повествование еще достоверней и вызывающая всё большее доверие к автору.

Вспомнилось кстати, как в году этак 1982 популярнейший тогда поэт Евгений Евтушенко решил несколько сменить своё амплу и, как говорят в народе: ударился в прозу. Написал пару повестей, киносценарий, и даже целый роман. И назвал его – «Ягодные места». Всё вроде было правильно: в этом романе и в духе времени: и космонавты, и сюжет «земношарый», что-то среднее между нашим Айтматовым и латиноамериканским Маркесом, и сибирские события ни-промысливки. Всё бы ничего, да только вот кондовые замшелые таёжники у Евтушенко общались между собой языком академиков, говорили словами, безусловно, достойными, сыпали мудрёными терминами и заморскими словечками, которых сами описываемые герои-охотники, может, и в жизни-то ни разу не слышали! Мы, тогдашние студенты, знатно потешились, читая друг другу вслух и с выражением самые высокопарные диалоги сибирских крестьян в этом многостраничном мёртворождённом опысе.

А вот у Пахомова наоборот при полном отсутствии какой-либо вычурности и позы все страницы книги насыщены такой узнаваемой жизненной правдой, что читал бы и читал, очищая и обогащая свою душу.

Чем хороши и чем подкупают рассказы писателя, так это тем, что в них совершенно отсутствуют какие-либо отвлечённые и многоумные рассуждения и рефлексии, повествовательная ткань самобытна, образна и доверительна, слово не просто дышит, оно рождает близкие вдумчивому читателю, понятные, а порой и неожиданные образы, на которые живо откликается любая чуждая душа; рассматриваемые здесь рассказы из россыпи всего великолепия книги Юрия Пахомова «Озеро вечности» открывают зримые пространства, зовут окунуться в них, насладиться духовной сопричастностью, с чем-то согласиться и принять, а с чем-то и поспорить, то есть просто зовут прожить эту замечательную прозу.

И последнее. Чего уж точно не найти в произведениях Юрия Пахомова, так это скуки и равнодушия. А это, согласитесь, главное и ценное как для самого писателя, так и для нас, его благодарных читателей.

О Валерии Ивановой писать легко. Наверное, потому что тематика ее стихов мне особенно близка. А может, еще потому, что она более чем кто-либо из моих друзей-писателей одарена талантом. Она – не поэтесса, а самый настоящий Поэт с большой буквы. Все эти цветочки, пейзажи и женское самолюбование – на обочине ее основной дороги. Главная тема у Валерии Ивановой – Отечество, Родина, Народ, Россия. Она вазалила на себя такую ношу, что по плечу редкому поэту.

Права была Анна Ахматова, говоря: «Увы, лирический поэт обязан быть мужчиной». Не женщине она отказала в способности писать стихи, а это назидание умудренного опытом человека всем, кто взялся за перо – требовательно, жестко, по-мужски относиться к своему творчеству. Вдвойне это требование касается тех, кто тяготеет к лиро-эпическому началу, как Валерия Иванова. Герои ее стихов – казаки, старoverы, декабристы, ветераны... Поэт всматривается в русскую историю и дает свою оценку тем или иным событиям. Особое место в ее творчестве занимают стихи нашего времени. В них боль и переживание за разрушенную страну. Сейчас – это уже не секрет – мы знаем, что развал СССР – это хорошо спланированная диверсия

Я – русская песня!

Сергей
КОМОВ

О поэзии Валерии Ивановой

Запада. Нам от этой правды не легче. Как остановить это безумное, бесовское наваждение, которому не один век подвергается наш народ? Валерия Иванова, по профессии провизор, фармацевт, четко прописывает рецепт от этой болезни в одном из лучших своих стихов, которое называется «13 декабря». Оно начинается строкой: «Зима. Тринадцать – чертовое число...». Поэт подает нам ключ к глубинному прочтению стихотворения – «чертовое число», что означает «против Бога». Накануне восстания у огня камина собрались будущие декабристы:

*Здесь все равны – поэт и генерал,
Улан, артиллерист и лейб-гвардеец...
Еще в петле никто не умирал
В отчаянье, на милость не надеясь.*

В чем они равны? Это еще один ключ к прочтению стихотворения. В своем противобожьем замысле! Завтра они пойдут против Царя, против Божьего Помазанника. Вот в чем их равенство! Почти все они масоны – разрушители собственного государства. К тому же, равенство – один из масонских лозунгов (свобода, равенство и братство).

*Как славно у камина в декабре,
И как тонки французские остроты,
И под карточь в упрямое каре
Еще на площадь не выводят роты.*

Как и Лев Толстой в «Войне и мире», Иванова акцентирует внимание на подверженности общества иностранному влиянию. Дань моды отдавали французам: «французские остроты». Декабристы оторвались от родного, и пошли против Бога.

*И лишь промерив кандалами даль,
Они пойдут, пройдя сквозь пол-России,
Что там, где правят Бог и Государи,
Волтер с Дидро – наставники плохие,
Что свет Христов сияет на земле,
Где выпала им честь на свет родиться...*

Разрушение любимой страны для Ивановой, как я уже упоминал, не прошло бесследно. Она написала несколько стихотворений, одно из которых является несомненным шедевром – «Иностранец». Зачин его таков:

... Чтобы понять, что может сделать гений из анекдота, нужно прочесть новеллу Мопассана «Окно». Но чтобы понять, что может сделать русский гений из анекдота, нужно прочесть ¼ сочинений Гоголя. «Ревизор», «Женитьба», «Шинель», «Колыска», «Невский проспект», «Нос», «Как поссорился И.И. с И.Н.», наконец «Мертвые души» – всё это, весь великий Гоголь за вычетом «Тараса Бульбы» и еще немногих сочинений основан на анекдоте! Близки к грустному анекдоту «Старосветские помещики», незаоченный «Шпонька», остальное – либо яркая мистика («Вий»), «Портрет», «Страшная месть», либо вещи, которые все-таки в тени его великих творений.

«Окно» Мопассана поразительно – новелла весела, смешна, непередаваемо чудесна. Смешны ли наши анекдоты? Смешны ли «Ревизор», «Шинель», «Мертвые души», ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем? Так ли смешон «Нос»? Совсем по-иному воспринимает родной мир русский художник, и как же мало в этом восприятии веселья (разве только в ранних «Вечерах на хуторе») и как много печали, сострадания, горечи... Отчего так? Что причина? – география, погода зимы или загадочная душа с ее страшной волей, мешающей нормальной свободе?

Вот – садовая скамейка, между реек ее спинки воткнута дрянная фанерка (ДВП), на ней двое сидящих пенсионеров играют в домино. Отчего не на столе с нормальными рядом сиденьями? Оттого, что столы запретят. Отчего запретят? Оттого, что за столом... правильно, будут распивать. Не эти двое, так другие трое, пятеро, семеро. Рядом будет грязь, бутылки, банки, неприглядные комки бумаг, пустые пачки, пакеты, окурки, а то и плоды «перебора». Поэтому никаких столов – и фанерка.

Но я позволяю себе повториться: разоблачая гностический вектор, Юрий Козлов не выглядит полностью свободным от его влияния. В 2010 году начал читать Козлова с «Почтовой рыбы», через два года пришел роман «sBoBoDa» и уже потом классика – роман «Колодец пророков». Скажу, что эти тексты не показались мне христианскими; я их принял как часто встречающийся в новейшей литературе апокалипсис без эсхатологической победы Бога, без воскресения и Небесного Иерусалима. «Белая Буква» и «Новый вор», пожалуй, укрепили эту позицию – внехристианская апокалиптика с центром тяжести в области технологий властных элит, ее безблагодатной поэтики.

Олег Мороз склонен максимально сближать мир Юрия Козлова с христианством – и через Достоевского с «Братьями Карамазовыми», и в соотнесении с византийским житием человека Божия Алексея. Об этом в монографии сказано много интересного. Но где у Козлова Христос? Его, похоже, нет. Разумеется, я не о каком-то специальном воплощении – больше о евангельских интуициях, о духе Нагорной проповеди, о богословии «Евангелия от Иоанна». Скорее, в творчестве Юрия Козлова обнаруживаю авторский апокриф – свободный от христианского канона сюжет о разномыслии антихристовых личин, о катаризме как платформе присутствующего гностицизма и отсутствующего Иисуса. Мрачный, свободный от горячих чувств и сердечного пафоса мир «Колодца пророков» или «Нового вора», думаю, подтверждает мою догадку: во всех произведениях присутствует Антихрист, но отсутствует Христос; любовь где-то далеко, а вот не-любовь постоянно в прозаическом кадре.

У меня здесь есть свое объяснение. Безусловно, как состоявшийся писатель с глубинно субъективным миром, Юрий Козлов уникален, что книга Олега Мороза качественно доказывает. Но тут уже я построю свой контекст. Еще в юности приходилось встречать, и довольно часто, многих «Физиков» (математиков, химиков и других технарей), буквально одержимых «лирикой» (философией, литературой, конспирологией). В позднесоветское время меня тревожила их тоска – от необходимости заниматься и скромно зарабатывать одним, а ум и сердце посвящать совершенно иному. В этой среде «технической» интеллигенции было много апокалиптики без Христа и рая (часто

На Казанском вокзале народ суетится
Гомонящею стаей невиданных птиц.
Здесь мелькают раскосые сумгаые лица
До сих пор, несмотря на наличе границы.
В толпе поэт высмотрел пассажира с медалью на груди, спешащего на слет ветеранов. Иванова с обостренным чувством справедливости продолжает:
Дед Сажен десять лет для Москвы – иностранец,
Но Москву позабыть не хотел и не мог.
Не забыл он, что общие землю и небо
Разделили недавно на наших глазах,
Что во время войны иностранцем здесь не был
Молодой белокубый сержанттик – казах.
Ветеран у обелиска обращается к своим павшим друзьям:

*Я теперь независим от собственной крови –
Той, что пролил когда-то у этой межи.
Перепаханный взрывами снег Подмосковья...
Политрук, как же так получилось, скажи!
В этот раз был мой путь
слишком горьким и длинным –
Две таможни теперь между вами и мной,
Все равно я дошел, как дошли до Берлина,
Чтоб вот так обелиска коснуться рукой.*

Пронзительные, емкие по содержанию строки. Какая мощная концентрация смысла в одной строке: «независим от собственной крови». За великую страну платили кровью наши народы, а ее разрубили границами и сделали независимыми друг от друга – чужими. Сродни редкой находки – сильнейшее сравнение: «Все равно я дошел, как дошли до Берлина». Печально заканчивается это стихотворение, воистину написанное «кровью чувств», но поэт четко знает, что земным границам не разъединить духовного родства и воинского братства.

Как мы уже заметили по предыдущему стихотворению, Иванова не боится острых тем. Таков стих «Навсегда». В нем она рассуждает над меурамами предателя, надевшего мундир полиция и думавшего, что немцы пришли навсегда. Честно признается она, проведя параллель с разрушением нашей страны:

*Лишь теперь поняла –
а тогда я почти что сломалась:
«Навсегда проиграла».*

Вам больше страну не собрать».

Иванова по натуре боец, она ни за что не сдастся. Она знает, что народ не сломать: *Навсегда не бывает! послушай меня, если даже Мимо окон твоих, приминая траву сапогом, Ходят сытые звери*

*в добротном чужом камуфляже,
Это твой, а не их на века обустроенный дом.
Это наш дом! И не навсегда пришли в него новые хозяева, чинично строящие капитализм на костях нашего народа!*

Великоплены у Валерии Ивановой и мастерски написаны такие стихи как «Старoverы», «Парижское кладбище» и «Баллада об истребителе». Интересны размышления о предназначении русского поэта в посвящениях восточно-казахстанским поэтам Валентину Балмочных и Юрию Плеслову. Бесподобно отповедав американскому психологу мисс Коре, которая приехала в нашу страну учить нас жить и раскладывать свои чувства по Фрейду. Нет смысла эти великолепные сти-

хи пересказывать прозой. Пусть читатель сам насладится настоящей поэзией.

Я рад, что наконец-то вышла книга замечательного поэта Валерии Ивановой. К моему большому сожалению, я почти ничего о ней не знаю. Она скромно живет в тени своих стихов. Мы пересекались на литературных мероприятиях, и меня до дрожжи пробирало прочтение Валерией стихотворений. В послесловии сборника о себе она написала всего шесть сухих строчек – когда родилась, кем работает и где печаталась. В интернете спорят, что женщина такие стихи писать не может, что это мужчина, и не один, а как минимум три. Как в случае с Козымой Прутковым. Но мы-то хорошо знаем, что Валерия Иванова – в единственном экземпляре, эксклюзив. О себе она говорит коротко: «Дочь казака, жена казака». Значит, как ни крути – казачка!

Есть у Ивановой и стихи о любви. Проникновенные, с живыми переживаниями, с оголенными чувствами:

*По весне на береы опять прилетят соловьи,
И очнувшийся сад на погоду забудет о снеге.
Мое сердце давно уже брошено в руки твои,
Словно роза с балкона в комедиях Лопе де Веги.*

Сравнение оригинально, хотя есть в нем некоторая камерность, начитанность, но это редкое исключение из живого списка сравнений поэта, которое, впрочем, только прибавляет весомость данному стихотворению. Есть у Валерии о любви совершенно другого плана стихотворение – «Всей станицей казаки гуляли» – лирическое, напевное, с мощной фольклорной оснасткой, где истосковавшаяся по мужу казачка Наталья выкрикивает своего любимого:

*И не всем случается вернуться,
И подумат страшно, что сейчас
Может, где-то вороны дерутся
Из-за серых ненагляных глаз.
Не уйми от думы океанной,
Как ни плачь, и сколько ни молись.
Милый мой, единственный, желанный,
Горицвет мой, сокол мой, вернись!*

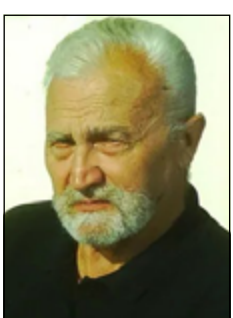
Поэзия Валерии Ивановой – «крылатая». Почти в каждом ее стихотворении присутствуют птицы, либо идут сравнения с птицами. В предыдущем – есть вороны, а мужа лирической героиня называет соколом. В другом стихотворении о любви – «любить с опозданием – биться подстреленной птицей». Словы и синицы – в стихотворении «Из-за гор показался...». В посвящении Колчаку: «Над Омском вещей птицей кружит осень». В стихе «Подступает темнота» – кукушка и петухи. В «Иностранец» народ на вокзале «суетится гомонящею стаей невиданных птиц». А русская песня в одноименном стихотворении дважды приобретает образ птицы:

*Я под звон кандалов и под веселый скрип
Белой чайкой вилась над турецкой галерой.
И – в гражданскую – прежде чем замертво упасть с коня:*

*Отпустил в вышину, словно птицу, меня
Эскадронный любимец, лихой запевала.
Это стихотворение – визитная карточка поэта Валерии Ивановой. Лирическим героем выступает Русская Песня. Поэт вживается в этот образ и разговаривает с собственным народом, отступившим от родного:*
*Знала наша земля и войну, и нужду,
Путь России путем был воистину крестным.
Сквозь разруху и холод, огонь и беду
Это я говорю с вами – Русская Песня.*
*...А теперь я, как видно, у вас не в чести –
Вспомогаю после второго стакана,
Только несколько строчек – не больше пяти
Выплывают на миг из хмельного тумана.
...Вашей горькой надежды последняя весть...
Позовите: «Вернись!» Попросите: «Воскреси!»
Что примолкли? Я здесь. Я пока еще здесь.
Это я говорю с вами – Русская Песня!*

На голодный желудок

Михаил
ЖУТИКОВ

Вечные темы Гоголя

этом восприятии веселья (разве только в ранних «Вечерах на хуторе») и как много печали, сострадания, горечи... Отчего так? Что причина? – география, погода зимы или загадочная душа с ее страшной волей, мешающей нормальной свободе?

Вот – садовая скамейка, между реек ее спинки воткнута дрянная фанерка (ДВП), на ней двое сидящих пенсионеров играют в домино. Отчего не на столе с нормальными рядом сиденьями? Оттого, что столы запретят. Отчего запретят? Оттого, что за столом... правильно, будут распивать. Не эти двое, так другие трое, пятеро, семеро. Рядом будет грязь, бутылки, банки, неприглядные комки бумаг, пустые пачки, пакеты, окурки, а то и плоды «перебора». Поэтому никаких столов – и фанерка.

Вот москворецкий рынок (Москва), вниз к нему, вдоль тротуара – на земле, картонках, коробках – продают старую мелочевку: мелкий инструмент, старые лампы, тарелки, уютги, будильники, кухонные крапы, бог знает что, и хорошо идет! Очень многое старое куда лучше, дешевле, удобнее, крепче, нужнее нового – плодов реформ и «цифровой чумы». Шеренга продавцов становится длиннее... проходит два месяца, три... ее разогнали. Запретили. Отчего? Оттого, что так удобнее власти, полиции, что нужно убирать за ними мусор (а уборщику не доплачивают), что не платят налоги (и жаба душит горькобедную власть), что нарушают «правила торговли» – которые на деле есть правила для профессиональных торговцев, но никак не для обычных людей.

На радиорынке в Митино запретили бесплатную торговлю для пенсионеров, ничего не нарушавших (многие годы была разрешена). Отчего? Так. Нужно убирать и вообще пошли вон. Оттого, что дай вам волю, вы и ноги на стол...

Отчего мы такие? Отчего мы так живем, Иваны Ивановичи, Никифоровичи, Подколесины, Ноздревы, Хлестаковы, Собакевичи, Держиморды? Есть ли ответ у Гоголя? – Есть, на то и художник, на то и великий. Ответ печален, горек и совсем мало смешон.

Я умолкаю...

Борхес. Аргентинский писатель становится главным героем последних страниц, заключительным этапом помощи в понимании мира Юрия Козлова, лицом художественного метода «Колодца пророков» или «Нового вора».

Меня тоже интересует тема «Козлов и Борхес», как и поиск ответа на вопрос, почему автор «Сада расходящихся тропок» подчинил себе многое в современной литературе, философии и психологии, а слава нашего писателя остается все же локальной. Борхес – легкий: в лаконичных объемах своих текстов, в движении ярких версий, в постоянной мягкой иронии, в отсутствии интереса к политике и технологии актуальной власти, в отстранении авторского Я от боли и трагедии. Борхес – праздник литературности: отстраняясь от любой религиозности, аргентинец превращает всего ценит «Божественную Комедию» и готов славить христианское богословие как лучший пример «фантастической литературы». Козлов – тяжелый до «реализма», публицистичности и пророчеств: в тяготеции к большим, многостраничным романам, в недопущении смехового начала (сарказм есть, конечно), в переживании политических сюжетов и разных «неопатриотизмов» как смертельных, а не социальных проблем.

Разный гностицизм нахожу у Борхеса и Козлова. Первый – мастер словесности, получающий герменевтическое удовольствие от интеллектуальных игр; созерцатель и летописец многих виртуальных апокалипсисов, умеющий провоцировать их уплещение; впрочем, и безболезненное исчезновение. Второй – действующий апокалиптик в контексте больного настоящего времени; человек, знающий, что типологии (например, фашизм – Евросоюз) имеют отношение не к тексту, а к судьбе России, её будущему, которое висит на волоске.

Козлов мог бы стать одним из героев Борхеса. Как Пьер Менар или Рутенберг из «Трех версий предательства Иуды». Да и монография Мороза порою представляется мне весьма расширившимся борхесовским рассказом, теряющим необязательный характер переживания о мире и его исчезновении. Здесь всё серьезно и, как говорят молодые, – жестко. Ибо политики владеют миром, а политиками, их сознанием, планами и конечностью владеют два человека – писатель и филолог.

Юрий Козлов – это о власти. Олег Мороз – это о власти над текстом.

управленцев последних десятилетий). В этом ключевой парадокс «неопатриотизма», который ощущает интеллигенция.

Козлов силою прозы и Мороз качеством филологии рационализируют это ощущение, резко нагнетают тревогу. Россия – на страшном пути, потому что государственная элита не имеет искренних чувств к её судьбе, но причастна стране лишь корыстным умом. Тем самым умом, в котором есть и тяжкий житейский прагматизм, и особый мистицизм, вызванный необходимостью уничтожать то, что принимаешь (Запад), и отстаивать то, что не любишь (Родину).

При таких условиях «религиозная сущность нового чиновничества» отнюдь не православие. Да, конечно, с риторикой русского христианства, с должным ритуализмом, с цитированием Писания все обстоит понятнее, как – внешне и громогласно. Беда в том, что сердце власти свободно от новозаветных интуиций, за цитированием – поистине пост-модернистская текстовость, а не готовность жертвовать и любить. Олег Мороз много пишет о том, как Юрий Козлов выявляет дыры в том пространстве, где должна жить и действовать любовь.

Так каково же мировоззрение отечественного чиновничества, ответственного за постоянное приближение Антихриста к нашим берегам? Олег Мороз называет это мировоззрение катаризмом и рассуждает о данной проблеме многостранично. Автор монографии удивил меня детализированным погружением не просто в проблемы гностического мировоззрения, а непосредственно в роль средневековых катаров в построении духовно-политических систем мных эпох.

Такой прием могу назвать усилением и централизацией возможного контекста. Противительность и противоцерковность, пламенный антигуманизм и подсознательная склонность к небытию исторических катар использованы Морозом для создания магистрального сюжета четвертой главы (о «Новом воре») о сильнодействующем архетипе, всегда (и особенно сейчас) угрожающем миру. «Легенда о Великом инквизиторе», теория и практика Третьего рейха, Евросоюз и наш «неопатриотизм» оказываются в поле действия катаризма, его исторического и литературного становления в символической фигуре апокалиптического молота.

Не слишком подробно, но очень уверенно Олег Мороз пишет о современном Западе, который развернулся от национал-социализма середины 20 века к капитализму. И этот вполне мистический капитализм, по замыслу его стратегов, должен иначе воплотить в жизнь план Гитлера по разделению мира на «нацию господ» и «нацию рабов». В образе Герхарда, одного из главных героев «Вора», этот план становится очевидной риторикой и по всем признакам сектантской прагматикой. Беда, правда, в ином: Мороз, интерпретируя Козлова, показывает, что стратегическим соратником (разумеется, не в слове, а в деле) господина Герхарда являются российские неопатриоты. Все три их плана, обсуждаемые и в романе, и в монографии («город-крепость», Россия – аморфная конфедерация и «вождизм», Мороз объявляет воплощением «человеконенавистного дуализма катаров», а гностицизм – «кверном историософской концепции писателя». Катаризм оказывается и тоталитарным, и имплицитным, и повсеместным. Главное, не побежденный в 13 столетии.